

Yurisprudentsiya (uroven bakalavriata)». V dannom vide dokument opublikovan ne byl. Ofitsialnyiy internet-portal pravovoy informatsii: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrascheniya: 10.01.2019).

2. Prikaz Minobrnauki RF ot 14.12.2010 № 1763 (red. ot 31.05.2011) «Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 030900 Yurisprudentsiya (kvalifikatsiya (stepen) «magistr»)» // Byulleten normativnykh aktov federalnykh organov ispolnitel'noy vlasti. 2011. № 14.

3. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 05.12.2014 № 1538 (red. ot 30.04.2015) «Ob utverzhdenii federalnogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 40.06.01 Yurisprudentsiya (uroven podgotovki kadrov vysshey kvalifikatsii)» // Rossiyskaya gazeta. 2015. 4 fevralya.

4. *Shestakov D. A., Dikaev S. U., Danilov A. P.* Sankt-Peterburgskiy mezhdunarodnyy kriminologicheskiy klub: proshloe i nastoyashee / pod red., s predisl. i poslesl. D. A. Shestakova. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2012. 218 s.

5. *Shestakov D. A.* Vvedenie v kriminologiyu zakona. 2-e izd., ispr. i dop. / predisl. G. N. Gorshenkova. SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2015. 92 s.

6. *Kabanov P. A.* Politicheskaya prestupnost: suschnost, prichiny, preduprezhdenie: uchebnoe posobie. Nizhnekamsk: Moskovskiy gumanitarno-ekonomicheskiy institut, Nizhnekamskiy filial, 2000. 126 s.; *Dikaev S. U.* Vekovyye konflikty i sovremennyye problemy terrorizma (pravovoy i politiko-kriminologicheskiy analiz): monografiya. Ufa, 2003. 224 s.

7. *Kolesnikov V. V.* Ekonomicheskaya kriminologiya: kriminologicheskaya bezopasnost kak obschestvennoe blago // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra: zhurnal Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. 2015. № 2 (3). S. 16–35.

8. *Kastorskiy G. L.* Mirovyye religii i prestupnost / pod red. V. P. Salnikova. SPb.: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2001. 327 s.

9. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya. Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika pravoprimeneniya / pod obsch. red. V. P. Salnikova; predisl. D. A. Shestakova. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2005. 432 s.

10. *Milyukov S. F.* Rossiyskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza. SPb.: SPbIVESEP, Znanie, 2000. 279 s.; *Milyukov S. F., Nikulenko A. V.* Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego obschestvenno opasnoe deyanie. SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2015. 560 s.

11. *Starkov O. V.* Kriminologiya: Obschaya, Osobennaya i Spetsial'naya chasti: uchebnik. SPb.: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2012. 1102 s.

12. *Gorshenkov G. N.* Kriminologiya massovykh kommunikatsiy. N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet im. N. I. Lobachevskogo, 2003. 126 s.; *On zhe.* Kriminologiya: nauchnyye innovatsii: monografiya. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2009. 317 s.

Т. В. Клубкова

РУССКИЙ ЯЗЫК: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

В статье рассматривается деятельность немецких филологов-ориенталистов А. Л. Шлецера и И. С. Фатера, много сделавших для описания русского языка. Оба автора писали русские грамматики (Шлецер в 1764 г., Фатер в 1808 г.), оба определяли место русского языка среди языков мира, описывали его историю, беспристрастно оценивали его достоинства, делали предсказания о будущем русского языка. Обращение иностранных немецких авторов к русскому материалу вызывало неоднозначную реакцию и становилось предметом обсуждения. Шлецер работал над своей грамматикой в то время, когда существовала только «Российская грамматика» М. Ломоносова, Фатер мог использовать не только М. Ломоносова, но и «Российскую грамматику» П. И. и Д. М. Соколовых, а также многочисленные переделки этих грамматик.

Ключевые слова: общее языкознание, компаративистика, русская риторика.

T. Klubkova

THE RUSSIAN LANGUAGE: A DETACHED VIEW

The article is devoted to the work of two German orientalists, August Ludwig von Schlözer and Johann Severin Vater, and their contribution to the study of the Russian language. Both are the authors of Russian grammars (published in 1764 and 1808, respectively), both attempted to define the position of Russian among other languages of the world, studied its history, and gave objective evaluations of its merits and its perspectives for the future. Schlözer could rely only on "The Russian Grammar" by Mikhail Lomonosov in his work, while Vater, in addition to Lomonosov's work, could also use "The Russian Grammar" by Pyotr and Dmitry Sokolov, as well as its numerous revisions and adaptations. Critics have been at variance as to the role of the two foreign scholars' research in the realm of the Russian language.

Keywords: general linguistics, comparative studies, Russian rhetoric.

В истории языкознания, несмотря на многочисленные исследования, остаются темные места. Историю изучения русской грамматики XVIII — начала XIX вв. можно с уверенностью отнести к таковым. Особый интерес они составляют, поскольку дают представление о том, как подготавливалась смена научной парадигмы в сравнительно-историческом языкознании.

1. Шлецер о месте русского языка среди языков мира

Недолгое пребывание в России было для полиглота и ориенталиста А. Л. Шлецера (1735–1809, Schlözer) весьма плодотворным. Он более известен как составитель свода русских летописей, русская грамматика оказалась полузабытым эпизодом истории языкознания, так как печатание грамматики было прекращено из-за конфликта с М. Ломоносовым [9, 10], неоконченная грамматика сохранилась только в архиве петербургского филолога и библиографа Г. Л. Х. Бакмейстера и была напечатана гораздо позже (оригинал 1875 г., перевод 1904 г.). О своих грамматических воззрениях и методах изучения языка, об опыте преподавания языков Шлецер увлекательно рассказывает в воспоминаниях [11].

Изначально историк и полиглот-ориенталист Шлецер не собирался работать в России, он мечтал отправиться на Восток, но волею судеб оказался в России, не вла-

дея ни одним славянским языком. Исторiku и филологу Шлецеру поручили работу с летописями на неизвестном языке. Молодой, энергичный, образованный ученик геттингенского ориенталиста И. Д. Михаэлиса попытался для начала найти какую-нибудь грамматику русского языка для иностранцев, но в 1761 г. таких книг еще не было, грамматики Родде, Модрю, Гейма появились гораздо позже, грамматика Ломоносова была непригодна для иностранца. В воспоминаниях Шлецера увлекательно описан метод изучения языков.

Шлецер получил рукописный лексикон Кондратовича, переписал его, применив метод корней, выделяя буквами разного размера корни и аффиксы [11, с. 63], он действовал в традициях ориенталистики, где с начала XVII в. выделяли корни и аффиксы шрифтами разного цвета.

Шлецер полагал, что каждый язык содержит некоторое количество исходных корней. Шлецеровская «метода корней» — это изучение «коренных слов» языка, выявление законов словообразования и словоизменения, установление родства или связи языков на основе выявленного сходства корней [11, с. 39].

Шлецер полагал, что именно сопоставление корней, «коренных слов» поможет быстро практически овладеть языком. Помимо чисто практического результата, применение этой «веселой методы» помо-

жет и тем, кто желает узнать «о родстве языка с другими, чтобы из языка какого-нибудь народа вывести сведения о его происхождении», и знает, как экономно действует «благодетельная природа» [11, с. 437–438], то есть знает философскую грамматику.

Параллельно он принялся за перевод «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, написанный хорошим русским языком ученого-путешественника. Раздел, касающийся рыб Камчатки, Шлецер переводил, как Лютер Библию, используя информантов: «...в Камчатке я дошел до главы о рыбах, имен которых мой Кондратович или вовсе не приводил, или если и приводил, то не по Линнею. Моя хозяйка знала большую часть этих русских названий, и если попадалась такая рыба, для которой не было немецкого имени, то она приказывала принести ее из рыбного ряда. Чтобы отыскать научное название рыб, я стал систематически изучать ихтиологию, сравнил Артеди с Клейном и характеристики привел в таблицы» [11, с. 63].

Особый интерес представляет шестая глава грамматики «Происхождение русского языка. Родство русского языка с греческим, латинским и немецким», она начинается с обращения к читателю, но не всякому. Читатель, которому нужны только склонения и спряжения, может эту главу пропустить. Но есть два разряда читателей, которым эта глава будет интересна. «Один разряд желает изучить язык совершенно, в основании, критически; другой не столько заинтересован самим языком, сколько его историей. Одни требуют, чтобы им указали все средства, которые могли бы им сэкономить и время и труд при изучении языка; другие спрашивают преимущественно о родстве языка с другими, чтобы из языка какого-нибудь народа вывести сведения о его происхождении» [11, с. 437]. Оба разряда читателей, однако, должны знать всеобщую грамматику, должны понимать, как действует «благодетельная природа», то

есть должны знать философскую грамматику [11, с. 438].

Шлецер сформулировал принципы отбора единиц для сравнения. По Шлецеру, для сравнения пригодны «слова, выражающие простейшие и наиболее подлежащие чувствам понятия», флексии глаголов, так как «...в то время, когда эти слова изобретались и сделались общеупотребительными, должно быть, они вместе со всеми этими народами составляли один род и вместе с ними образовали один язык, который только со временем вследствие разделения семейств разделился на разные наречия. Переверните доказательство: сравните таким же образом немецкий с турецким, русский с еврейским: оно также сильно докажет различие этих последних языков» [11, с. 446–447]. Подобным образом действовал впоследствии Расмус Раск, выделяя «фракийские» языки [8]. Отбор «коренных слов» для сравнения языков сходным образом производил и Г. Л. Х. Бакмейстер, сохранивший грамматику Шлецера. Доказательством родства служил приложенный к грамматике словарь, содержащий около 700 единиц, причем важно отметить, что Шлецер не ставит вопрос о старшинстве языков, он смотрит на эти языки «как на потоки, выходящие из одного источника, как на рукава одной реки, как на ветви одного ствола» [11, с. 443]. Этот словарь вполне можно считать первым опытом этимологического словаря русского языка, в нем, естественно, множество неправильных сближений, но велика и доля правильных соответствий.

Шлецер практически первым использовал для сравнения языков глагольные флексии, сопоставив спряжение бытийного глагола *verbum substantivum* в русском, греческом, латинском, немецком, исландском, готском и польском. На примере глагола *мешаю* он показал сходство и корней и флексий для русского, латинского, немецкого языков [11, с. 446]. Обычно интерес к флексии приписывают Ф. Шлегелю,

работа которого «О языке и мудрости индусов» вышла гораздо позже, в 1808 г.

Шлецер обнаружил сходство русских (или славянских) «коренных слов» с немецкими, латинскими, греческими: «первоначальное их тождество может быть доказано по точным правилам без ребячески насильственной этимологии» [11, с. 40]. Под «ребячески насильственной этимологией» Шлецер понимал сочинения вроде «Атлантиды» Рудбека, авторы которых выводили все языки мира из своего родного языка. Примером «ребяческой этимологии» может служить следующий: следуя за Лейбницем, Шлецер подчеркивает важность сравнения словарного состава, но при этом отмечает, что исследователю необходим не только словарь, но и грамматика. Рассматривая гипотезу некоего Лингниха о происхождении поляков, Шлецер наглядно доказывает ее ошибочность. Лингних полагал, что поляки, потомки лазов, пришли из Колхиды, *Polacy* — *Pol* + *Lazi* (*Pol* — из слова *потомки*). Шлецер же приводит ряд славянских соответствий (рус. *дура* — *дурак* — *дураки*; пол. *Prusak Slesak*; чеш. — *Ruszacy*), доказывающих, что деление *Pol* + *lacy* неправильно, следует делить *Pol* + *ac* + *y* [11, с. 441–442]. Следует обратить внимание на то, что Шлецер производил членение по морфемному шву.

Шлецер предположил место прародины славян, германцев и греков, «колыбели трех языков», которые в последующие времена сделались главными языками Европы. «Кроме того, славяне сближают нас с востоком; они приближаются к соседям Каспийского моря. Если когда-либо придется объяснять родство персидского языка с немецким, — одно из самых странных, но вместе с тем самых решенных явлений языка, — то это должно быть сделано посредством славянского языка» [11, с. 444].

Главу завершает краткий и вполне разумный обзор истории русского языка, Шлецер особо останавливается на новгородском периоде, отмечая отсутствие ва-

ряжских заимствований и сопоставляя с норманнским завоеванием Англии, выделяет греческие и татарские заимствования, заимствования Петровской эпохи [11, с. 480–485]. Жаль, что написанный на немецком текст был опубликован так поздно, в 1875 г. все уже знали о роли глагольной флексии.

2. Фатер и русская грамматика

И. С. Фатер (1771–1826, Vater) — крупный филолог, работавший в Халле и Кенигсберге, библиограф, библеист, ориенталист (как и Шлецер), издатель словаря языков мира «Митридат», автор множества грамматик, учебников, хрестоматий, философской грамматики, грамматики русского языка [3] и хрестоматии [4]. Фатера интересовали как внешнелингвистические, так и внутрilingвистические стороны русистики и славистики. В. Бернхаген считал его одним из основоположников славистики [1].

Знакомство Фатера с русским языком относится к 1804 г., уже в 1805 г. в «Учебнике всеобщей грамматики» он приводит и славянский материал, отмечая особенности глагольной системы славянских языков. Безусловно, он был знаком с работами предшественников, в его популярную библиографию [5] включена, например, чешская грамматика Б. Росы, знает он и грамматики О. Копчиньского. Безусловно, Фатер работает в другой культурной ситуации, уже есть достаточное количество беллетристики, множество грамматик, которые в основном были переработками работ Ломоносова или П. И и Д. М. Соколовых. Особенно заметна взаимосвязь этих курсов в наиболее сложном и ответственном разделе грамматики — в описании системы русского глагола. Вторичность обнаруживается не только в системе временных форм, не только в интерпретации отдельных форм, но и в такой, казалось бы, второстепенной детали, как выбор глаголов, на примере которых демонстрируются глагольные пара-

дигмы. Так, фактически во всех названных грамматиках приводятся парадигмы глаголов *двигать* и *вертеть*.

Фатер использовал грамматику Н. Гейма [2], в которой глагол имеет четыре спряжения по образцу «Российской грамматики» П. И. и Д. М. Соколовых.

Фатер разделил глаголы по типу спряжения на 17 групп, парадигматических классов по основе форм настоящего времени. Он показал, что «У глагола можно образовать все времена по предъявлению инфинитива и парадигмы (буквенного индекса парадигматического класса, выделяемого на основании форм настоящего времени. — Т. К.). <...>. Непосредственно в инфинитиве можно увидеть форму прошедшего времени» [4, с. 166].

Также он внес важный вклад в разработку глагольного вида в польском и русском языках.

Оценивая вклад И. С. Фатера в разработку научной грамматики русского языка, В. Г. Белинский писал: «...немец Фатер, первым проникнув в особенные свойства русских глаголов, положил твердое основание русской грамматике, по крайней мере, сделал ее возможною. Он доказал, что совершающееся в глаголах других языков посредством множества времен у нас делается через виды, что каждый русский глагол имеет несколько видов, что каждый вид имеет только одно неокончателное наклонение и что глаголы неопределенного и многократного вида имеют три времени — настоящее, прошедшее и будущее, а глаголы совершенного (или определенного) и многократного вида имеют только два времени — прошедшее и будущее (последнее спрягается совершенно так, как настоящее время глаголов неопределенного и многократного видов)» [7, с. 230].

Эта восторженная характеристика по сути своей справедлива, хотя вряд ли можно безоговорочно признать Фатера единственным лингвистом, «заложившим основание русской грамматике».

«Книга для чтения» [4], предназначенная для немецких гимназий остзейских губерний, начинается с «Сочинения о достоинствах русского языка». В первых же его строках название сочинения получает несколько расширенную редакцию: «о достоинствах русского языка и о средствах их еще более приумножить». Эта формулировка заставляет вспомнить название сочинения А. С. Шишкова «О превосходных свойствах нашего языка и средствах, какими словесность наша обогащаться может». Глубокое уважение к А. С. Шишкову, высказанное Фатером в предисловии, заставляет предположить, что и рассуждения, содержащиеся в «Сочинении», будут написаны с ортодоксально шишковистских позиций, тем более что в книгу для чтения включено с незначительными сокращениями и названное произведение Шишкова. Знакомство с текстом Фатера опровергает это предположение. Соглашаясь во многом с Шишковым, он все же сохраняет независимую позицию и по целому ряду вопросов выступает как карамзинист. Предвидя возможное отрицательное отношение со стороны русских читателей к самой мысли о том, чтобы иностранец судил о свойствах русского языка и о средствах к его усовершенствованию, Фатер замечает, что знаток многих языков, способный смотреть на русский язык со стороны, может скорее увидеть черты этого языка, незаметные для носителей уже в силу привычности родного языка. При этом Фатер считает, что позиция стороннего наблюдателя даст ему возможность обсуждать проблемы русского языка с «беспартийной точки зрения» [4, с. 3].

Далее Фатер переходит к рассмотрению достоинств, сильных сторон русского языка. Эти сильные стороны не просто декларируются, но и подвергаются собственно лингвистической интерпретации.

Тремя основными преимуществами русского языка перед другими Фатер считает:

- 1) силу и краткость;

- 2) возвышенность, благородство;
- 3) богатство слов и особенно производных форм.

Существенно здесь, что Фатер дает далее лингвистический анализ даже такого свойства языка, как благородство. Рассмотрим внимательно цепь рассуждений Фатера, в которой можно обнаружить попытку типологической характеристики русского языка.

1. Простота и естественность русского языка, по мнению Фатера, является следствием молодости русского литературного языка. Русский язык «не испытал на себе изнеживающего влияния культуры, моды или кабинетной учености». (Здесь легко можно обнаружить характерное для Фатера отрицательное отношение к эстетике и языковой норме классицизма, нашедшей наиболее последовательное выражение во французской традиции.) Свободный порядок слов делает возможным непосредственное следование слова за мыслью, а эта возможность по сути дела и является естественностью. Ясность языка проистекает из его естественности. Разветвленная система грамматических форм делает прозрачной и очевидной взаимосвязь слов в предложении. Этому служат, в частности, падежные окончания имен прилагательных (более разнообразны в русском языке, чем в немецком) и формы рода у глаголов прошедшего времени. Здесь Фатер, таким образом, указывает на органичность взаимосвязи свободного порядка слов с особенностями морфологии. Свободный порядок слов открывает возможность использования его как важного выразительного средства, позволяет строить искусно сложенные периоды, которые придают изложению красоту.

Утверждая, что в русском языке порядок слов свободен, Фатер указывает на значимость возможного варьирования порядка слов. В такой формулировке это гораздо тоньше и вернее простой констатации свободного порядка слов, против которой ре-

шительно возражал Н. М. Карамзин в резко отрицательной рецензии на грамматику Модрю [6, с. 207]. Карамзин вообще считал невозможным говорить о свободе порядка слов, поскольку любое изменение порядка слов изменяет мысль, которая выражена в предложении.

Так как каждое слово получает в предложении место наиболее естественное по ходу мысли, то речь течет легко, не прерываясь вспомогательными глаголами и артиклями.

2. Богатство русского языка проявляется, во-первых, в многообразии корней. Довольно много корней заимствовано из других языков, особенно из славянских. Однако и неславянские по происхождению слова стали «полной собственностью языка, подобно тому, как заимствованное немецким языком из латинского слово *Natur* отнюдь не наносит ущерба национальному языку, а напротив, «умножает его богатство» [4, с. 6]. Подобные явления легко обнаружить во многих языках.

Главным же богатством русского языка, по Фатеру, являются производные слова (*abgeleitete Wörter*), ведь почти от любого имени существительного может быть образовано прилагательное. В то же время почти от любого корневого прилагательного и от многих производных можно образовать имена существительные, в которых соответствующее качество рассматривается само по себе (*diese Eigenschaft an sich betrachtet wird*) [4, с. 6], от многих существительных образуются глаголы со значением состояния или действия, и напротив, от глаголов — существительные (и не только со значением производителя действия, но и с самыми разнообразными значениями). Наиболее яркой особенностью русского языка с точки зрения его словообразовательных возможностей является многообразие глагольных префиксов, позволяющее различать очень тонкие оттенки действия, в частности, связанные с различным характером протекания действия во

времени. Иностранцам трудно разобраться во всех этих оттенках, но язык становится очень выразительным. Благодаря возможности использовать приставки для выражения действия однократного или ограниченного во времени, русский язык может обходиться без вспомогательных глаголов при образовании форм будущего времени. Это способствует краткости (*Kürze*), которая обычно страдает от обилия вспомогательных глаголов. Кроме того, русский язык успешно обходится без артиклей, которые хотя и полезны для языка, но смысл их употребления в других языках в значительной мере утратился. В рассуждениях о краткости русского языка Фатер во многом повторяет А. С. Шишкова, который для демонстрации этого свойства русского языка произвел параллельный подсчет слов во французском и русском текстах.

3. **Выразительность** является следствием то краткости выражения, то необычного расположения слов, позволяющего поставить необходимое слово в ту позицию, в которой оно оказывается в центре внимания. С той же целью может использоваться и интонация.

Источником возвышенности русского языка является славянский перевод Библии. Благодаря тому, что язык славянской Библии гораздо дальше от современного русского языка, чем перевод Лютера от современного немецкого, это различие обладает значительным стилистическим потенциалом. Однако отнюдь не любое старославянское слово, по мнению Фатера, обладает высокой стилистической окраской. Многие из старославянизмов могут широко употребляться в разговорной речи. Такими являются, в частности, глаголы с частицей *-ся*. Несмотря на имеющуюся при них в словарях помету «слав.» (*Slawonisch*), их нельзя считать устаревшими» [4, с. 29]. Фатер предлагает читателям по этому поводу прочесть рассуждение Шишкова, однако сам он не соглашается с утверждением последнего о том, что русский язык и

старославянский представляют собой не более, чем разные стилистические пласты одного и того же языка. Вслед за современными ему славистами Добровским, Шафариком и другими Фатер считает русский и старославянский разными языками, признавая при этом огромное влияние старославянского на русский.

Затем Фатер сравнивает русский язык и языки западноевропейские. В английском языке, как и в русском, много заимствованных слов. Но если русский язык эти слова осваивает и перекраивает по своему образцу, то в английском языке эти слова сохраняют чужеземный вид (латинско-французский или немецкий: *removal, removing*). Слабостью английского языка, по Фатеру, является и отсутствие склонения.

Испанский язык, который, подобно русскому и английскому, обладает возвышенностью, лишен некоторых выразительных средств русского языка. Так, в нем нет деминутивов и аугментативов. Французский язык имеет сковывающий порядок слов.

У польского языка есть все преимущества русского, как у дочерей одной богатой матери. Польское ударение проще для иностранца, чем русское, но русский язык зато, по мнению Фатера, гораздо благозвучнее. Кроме того, поляки, как и все католики, потеряли Библию как источник возвышенности.

Рассуждение о достоинствах русского языка по сравнению с другими языками Европы завершается у Фатера знаменательной оговоркой: «Все же любой язык имеет свои преимущества, которые можно почувствовать, только устремив взоры вглубь, в любом языке мерцают часто незамеченные искры божественного света разума, который с удивительной остротой и ясностью находит и разграничивает разные оттенки и отношения» [4, с. 16].

Затем Фатер переходит к той роли, которую играет в развитии языка литература. Он считает, что русская литература еще не

выполнила этой функции, хотя и предсказывает ей великое будущее.

Воспитанию хорошего вкуса у литераторов способствует изучение античных авторов. Русской литературе следует обратиться к освоению классической традиции, тем более что к грекам русские близки и по религии и в России осознается историческая и культурная связь с византийской традицией. Аналогичный путь (то есть обращение к античным авторам) привел немецкую литературу к хорошему результату. «Я вспоминаю, чем была немецкая литература до семилетней войны, то есть два поколения тому назад, и чем она стала с тех пор. Я уверен, что то же самое произойдет и с русской литературой (благодаря достоинствам ее языка) через одно поколение» [4, с. 30]. Рассуждение о пользе знакомства с памятниками литературы классической древности и внимательного их изучения заставляет вспомнить довольно обычное в рамках немецкой культуры XIX в. мнение, что литература Германии второй половины XVIII в. обязана своим бурным расцветом едва ли не в первую очередь приобщению к античной культуре.

Фатер перечисляет наиболее распространенные случаи стилистических погрешностей, встречающихся у современных ему писателей. Так, он считает недостатком стиля злоупотребление деминутивами в ранней прозе Карамзина, скопление слов с суффиксами *-ство* и *-ение*, употребление непомерно длинных слов типа *мучительствовать*. Вслед за Шишковым, хотя и с меньшим пафосом, Фатер высказывается по поводу засорения русского языка французскими словами. Считая, что основным источником для создания слов, обозначающих новые понятия, должны слу-

жить корни русского и старославянского языков, Фатер все же признает целесообразность употребления заимствованной лексики в сфере терминологии. Кроме того, вряд ли заслуживают изгнания из словаря те иностранные по происхождению слова, которые стали для русских вполне привычными и часто употребляются.

Обсуждая эту проблематику, Фатер опирается на опыт немецкого языка. Исходя из этого опыта, он и возражает против крайностей пуризма, приводит в качестве примера случаи, когда иностранное слово с достаточно ясно понимаемым значением пытались заменить искусственно сконструированным немецким, которое к тому же недостаточно точно выражало соответствующее понятие. Одним из возможных источников пополнения лексики русского языка Фатер считает родственные русскому славянские языки, в частности хорошо знакомый ему польский. Такая возможность кажется ему очень естественной, поскольку в родственных языках часто сохраняются целые гнезда слов, образованных от корня, который в русском языке утратил свою продуктивность.

3. Взгляд со стороны

Оба автора отстаивали правомерность и ценность «взгляда со стороны». Шлецер полагал, что чужеземный философ — знаток языков может понимать и объяснять чужой язык лучше, чем местные неученые уроженцы, ссылаясь при этом на эфиопский пример из Лудольфа [11, с. 477]. Фатер рассматривал русский язык (как и все прочие) «с беспартийной точки зрения», настаивал, что достоинства языка виднее со стороны, особенно для полиглота, умеющего видеть «духовное содержание» языка [4, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bernhagen W.* Johann Severin Vater, ein vergessener Russischbuchautor // Fremdsprachenunterricht. 1963. № 1. S. 49.
2. *Heym J.* Russische Sprachlehre für Deutsche. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey Bey N. V. Nowikow, 1789. XII. 248, 68, [3] S.

3. *Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigung der Heymischen Sprachlehre.* Leipzig: Crusius, 1808. XL. 162 S.

4. *Vater J. S. Russisches Lesebuch mit einem russisch-deutschen und deutsch-russischen Wörterbuche und einer Abhandlung über die Vorzüge der russischen Sprache.* Leipzig: Fr. Ch. Vogel, 1815. XVIII. 284 S.

5. *Vater J. S. Litteratur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde nach alphabetischer Ordnung der Sprachen, mit einer gedrängten Übersicht des Vaterlandes, der Schicksale und Verwandtschaft derselben.* Berlin: In der Nicolaischen Buchhandlung, 1815. [7]. IV. 259 S.

6. *A. B. V. (H. M. Карамзин). О русской грамматике француза Модрю // Вестник Европы. 1863. Ч. X. № 15.*

7. *Белинский В. Г. Рец. на Грамматические разыскания. В. А. Васильева... // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 222–235.*

8. *Кузнецов С. Н. Рasmus Rask и его лингвистическая парадигма // Современная наука. 2015. № 3. URL: http://www.sovnauka.com/articles/2015-3/rasmus_rask_and_his_linguistic_paradigm/ (дата обращения: 10.02.2018).*

9. *Михина Е. Обвинен? Да! Но давно оправдан // Знание — сила. 1987. № 12. С. 80–83.*

10. *Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова // [соч.] акад. П. Пекарского. СПб.: [тип. графия Императорской Академии наук], 1865. IV. 128 с.*

11. *Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная: Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г.: Известия о тогдашней русской литературе / пер. с нем. с примеч. и прил. В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 13. СПб.: Тип. Акад. наук, 1875. [2], XII. 532 с.*

REFERENCES

1. *Bernhagen W. Johann Severin Vater, ein vergessener Russischbuchautor // Fremdsprachenunterricht. 1963. № 1. S. 49.*

2. *Heym J. Russische Sprachlehre für Deutsche. Moskwa [Moskva]: In der Universitäts Buchdruckerey Bey N. V. Nowikow, 1789. XII. 248, 68, [3] S.*

3. *Vater J. S. Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Übungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigung der Heymischen Sprachlehre.* Leipzig: Crusius, 1808. XL. 162 S.

4. *Vater J. S. Russisches Lesebuch mit einem russisch-deutschen und deutsch-russischen Wörterbuche und einer Abhandlung über die Vorzüge der russischen Sprache.* Leipzig: Fr. Ch. Vogel, 1815. XVIII. 284 S.

5. *Vater J. S. Litteratur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde nach alphabetischer Ordnung der Sprachen, mit einer gedrängten Übersicht des Vaterlandes, der Schicksale und Verwandtschaft derselben.* Berlin: In der Nicolaischen Buchhandlung, 1815. [7]. IV. 259 S.

6. *A. B. V. (N. M. Karamzin). O russkoy grammatike frantsuza Modryu // Vestnik Evropyi. 1863. Ch. X. № 15.*

7. *Belinskiy V. G. Rets. na Grammaticheskie razyiskaniya. V. A. Vasileva... // Poln. sobr. soch.: v 13 t. T. 9. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. S. 222–235.*

8. *Kuznetsov S. N. Rasmus Rask i ego lingvisticheskaya paradigma // Sovremennaya nauka. 2015. № 3. URL: http://www.sovnauka.com/articles/2015-3/rasmus_rask_and_his_linguistic_paradigm/ (data obrascheniya: 10.02.2018).*

9. *Mihina E. Obvinen? Da! No davno opravdan // Znanie — sila. 1987. № 12. S. 80–83.*

10. *Pekarskiy P. P. Dopolnitelnyie izvestiya dlya biografii Lomonosova // [soch.] akad. P. Pekarskogo. SPb.: [tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk], 1865. IV. 128 s.*

11. *Shletser A. L. Obschestvennaya i chastnaya zhizn Avgusta Lyudviga Shletsera, im samim opisannaya: Prebyvanie i sluzhba v Rossii ot 1761 do 1765 g.: Izvestiya o togdashedney russkoy literature / per. s nem. s primch. i pril. V. Kenevicha // Sbornik Otdeleniya russkogo yazyika i slovesnosti Akademii nauk. T. 13. SPb.: Tip. Akad. nauk, 1875. [2], XII. 532 s.*